

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМЪ БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

№ 26 Воскресенье, 17 (30) іюля 1905 г. № 26

Н. И. Астровъ.
Секретарь московской городской думы.

Е. Д. Артыновъ.
Членъ московской губернской земской управы.

Д. С. Вишняковъ.
Гласный московской городской думы.

Русскіе общественные дѣятели.

Въ глубинѣ Россіи.

(Изъ путевыхъ впечатлѣній).

I.

„Русскій край оригинальности имѣетъ отпечатокъ". Никогда еще это положеніе мнеическаго некрасовскаго графа Гаранскаго, котораго поэтъ заставилъ путешествовать по Россіи, спасая свои личныя наблюденія провинціи отъ острія цензорскаго меча,—не было столь справедливо, какъ сейчасъ. По взбаломученному морю русской дѣйствительности проносятся съ грознымъ шумомъ сокрушающіе буруны. Создаются удивительные инциденты, за которые дорого дали бы столпы фантастическаго романа, Жюль-Верны и Уэлльсы. Русская жизнь оригинальничаетъ на удивленіе самаго привычнаго ея наблюдателя, давно усвоившаго принципъ ничему не удивляться. Европа отодвинула въ сторону свои событія и съ жаднымъ любопытствомъ предоставляла половину своихъ газетныхъ листовъ жизни далекой Московіи.

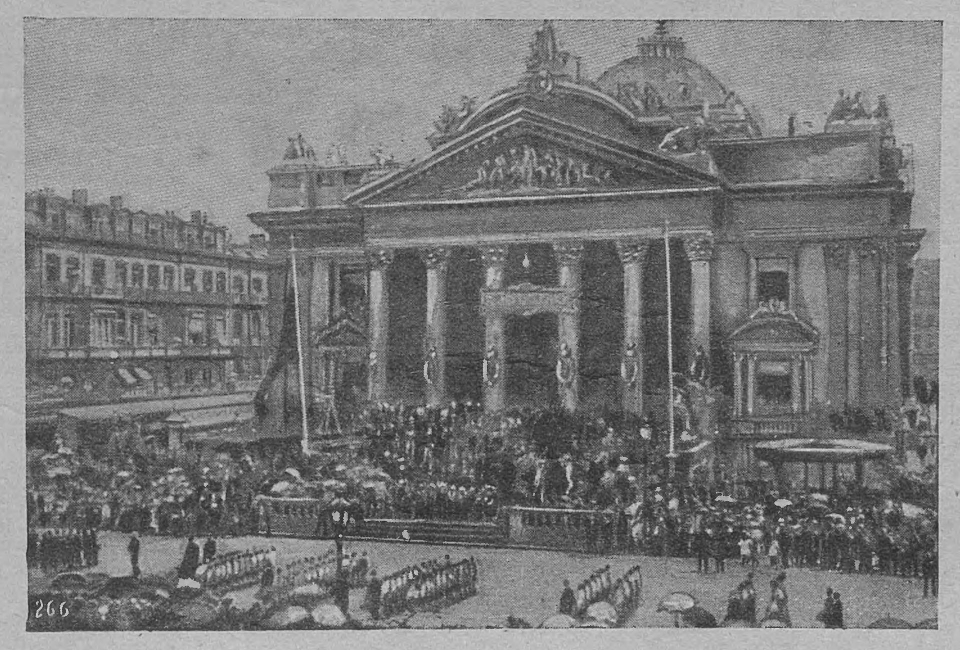
Любопытство къ провинціи столичнаго гостя, воспринимающаго каждодневно своеобразный букетъ доносящихся изъ глубины Россіи телеграммъ, прямо пропорціонально любопытству провинціала ко всякому закинутому въ его нѣдра гостю съ выразительной мѣткой тремя буквами „СПБ.". На него смотрятъ жадные любопытные глаза, какими смотрѣлъ массонъ низшей степени на далеко ушедшаго впередъ по степенямъ собрата по ордену, знающаго тайну.

И провинціалу кажется, что петербуржецъ, человѣкъ оттуда, откуда идетъ газета съ ея слухами и вѣстями, обитатель города, къ которому онъ привыкъ прислушиваться, ожидая, что оттуда свѣтъ,—что этотъ человѣкъ можетъ что-то знать,—что-то уже предрѣшенное тамъ, вблизи сенатовъ и министерствъ, но такое, чего еще не можетъ сказать газета. И одинъ, всегда выливающійся въ одни слова вопросъ,—„ну, что въ Петербургѣ?",—въ томъ Петербургѣ, гдѣ было и 9-е января, и 18-е февраля, и 6 іюня, преслѣдуетъ васъ отъ Луги до Самары, отъ Чудова до Кіева, произносимый устами и запаснаго, призваннаго въ послѣднюю мобилизацію, и хохла на пыльномъ провинціальномъ базарѣ, и повара, которому вы заказываете обѣдъ на днѣпровскомъ пароходѣ, и монаха, ведущаго васъ со свѣчкой по кіевскимъ катакомбамъ. „Что въ Петербургѣ?"

И въ вашемъ умѣ отвѣтно звучитъ встрѣчный вопросъ — „что въ провинціи?"

II.

А въ провинціи, сверхъ зелени, солнца, пыли и песку, русскій туристъ встрѣчаетъ нынче и нѣчто новое. Тамъ, гдѣ кончается городокъ, и откуда глазъ видитъ безконечные подгородные

Къ празднованію 75-лѣтія независимости Бельгіи. — Торжество передъ зданіемъ биржи въ Брюсселѣ.
Съ фотографіи корреспондентовъ, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

луга, съ капризно брошенными на далекомъ горизонтѣ силуэтами трехъ-четырехъ деревьевъ и сѣрые остовы мельницъ, — нѣсколько домовъ отданы на постой новымъ жильцамъ... Живутъ они коммуной и среди нихъ нѣтъ ни одной женщины. Когда спадаетъ жаръ, и закатывается шаръ солнца, они выходятъ на улицу и устраиваются какъ бы въ хороводный кругъ подлѣ своей стоянки.

Выносятъ барабанъ и бубны, и, подъ дикій и бѣдный аккомпаниментъ стука въ натянутую кожу и бряцаніе мѣди, начинается пѣніе пѣсенъ. Отъ нихъ вѣетъ дикостью, просторомъ и тоской далекаго Дона, Урала, Кубани, и подъ ихъ монотонный речитативъ хочется думать съ странными и грустными чувствомъ о томъ, какъ недалеко ушла эта пѣсня за девятнадцать вѣковъ существованія человѣчества, какъ она примитивна и бѣдна въ словѣ и звукѣ, и о тѣхъ, кого она можетъ насыщать и удовлетворять, когда уже такъ далеко, въ такія глубины, въ такія бездны ушло искусство и даритъ намъ такіе восторги эстетическаго наслажденія...

Ихъ лица, загорѣвшія подъ лаской не нашего солнца, оживляются подъ звуки этой пѣсни, и веселѣютъ глаза, точно отразившіе печаль по родинѣ и роднымъ, отъ которыхъ ихъ оторвали. Въ косматыхъ буркахъ и длинныхъ черкескахъ, туго охватывающихъ ихъ въ таліи,—такъ что въ потемкахъ и издали ихъ можно принять за женщинъ,—они, если не близки къ тому миѳическому образу, какой связываетъ заграница съ понятіемъ le casak, то, во всякомъ случаѣ, рѣзко розятся отъ обычнаго, прозаическаго типа провинціальнаго обывателя и провинціальнаго полисмэна.

Въ городѣ скучно, и казачье веселье слишкомъ для него ново, чтобы онъ равнодушно прошелъ мимо. Десятки бабъ, какъ мотыльки на огонь, стягиваются къ пѣсенному кругу красивыхъ варваровъ. Тутъ же десятки парней, возвращающихся съ работы. Все это обступаетъ казаковъ тѣснымъ кольцомъ. Женскіе визгливые голоса врѣзаются въ пѣсню, то буйную до жуткости, то заунывную до тоски. Изъ толпы звучитъ смѣхъ. Обѣ стороны познакомились...

Интеллигенція наблюдаетъ ихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, остановившись у маленькихъ одноэтажныхъ домовъ, съ уютными скамеечками, съ красиво вытянувшимися къ небу малороссійскими тополями. Интересно, но чуть-чуть жутко. Она знаетъ, что эти люди, съ смуглыми красивыми лицами скиѳовъ, пріѣхали сюда не для пѣсенъ... И что-то зловѣщее слышится въ ритмическихъ вздохахъ тулумбасовъ.

Толпа отпрянула торопливо и безпокойно. Только черезъ минуту вы видите, что—безъ страха. Сейчасъ будетъ „молитва". Барабанъ и тулумбасы смолкаютъ. Несутся иные звуки...

III.

Утромъ вмѣстѣ съ мелкими злобами базара къ вамъ врывается шумъ новыхъ извѣстій, какихъ еще не зналъ обыватель годъ назадъ.

Безпокойно въ уѣздѣ. Вечеромъ половина казацкой сотни уѣхала въ имѣніе X, потому что тамъ „бунтуютъ". Въ имѣніи Z сожгли „панское" сѣно. Въ кварталѣ такомъ-то разнесли „монополію". Исправникъ изъ N вытребованъ въ Y, гдѣ крестьяне не идутъ на работу сами и угрожаютъ избить тѣхъ, кто будетъ вмѣсто нихъ работать. Вчера вечеромъ разгромили „бараночное заведеніе" такого-то. Забастовали хлѣбопеки. Встревожены еврейскіе кварталы...

Говорятъ о вооруженіи крестьянъ подъ городомъ, говорятъ объ Одессѣ, говорятъ о Курскѣ, говорятъ о предстоящихъ безпорядкахъ тамъ, гдѣ вы живете, и откуда якобы „начнутъ". Конечно, въ Новозыбковѣ говорятъ, что „начнутъ" съ Новозыбкова, въ Екатеринославѣ—съ Екатеринослава, въ Бахмачѣ—съ Бахмача, на Кіевскомъ Подолѣ—съ Подола. Лавина страха раскачивается и ползетъ, набухая и наслоясь. Эпидемія сочинительства овладѣваетъ обывателемъ. Всякій слухъ принимаетъ причудливые размѣры и еще больше ширится къ вечеру, когда становятся длиннѣе тѣни...

О политикѣ говорятъ всѣ и всюду,—на пыльномъ бульварѣ, замѣняющемъ въ городкѣ Невскій проспектъ, въ театральномъ саду, который безнадежно пустуетъ по вечерамъ, потому что кто-то пустилъ по городу слухъ, будто въ этомъ саду будутъ избивать евреевъ, въ парикмахерской какого-нибудь Пьера изъ Гомеля или Жоржа изъ Свенцянъ. Приходятъ газеты, запоздалыя, отсталыя, позволяющія думать, что за тѣ три-четыре дня, пока онѣ ползли изъ Петербурга, уже успѣли назрѣть новыя событія. И тамъ опять тѣ-же телеграммы, бастующіе пекаря, желѣзнодорожники, даже... архіерейскіе пѣвчіе и послушники....

А вечеромъ такъ же, какъ вчера, гудитъ на окраинѣ тулумбасъ и звенитъ пѣсня, дико-разгульная или унылая, и собираются парни и бабы... Только меньше кругъ и тише звуки... Половины казацкой сотни въ городѣ нѣтъ. Она—уже въ уѣздѣ...

IV.

Днѣпровскій пароходъ, идущій на Кіевъ, бѣжитъ мимо сейчасъ мобилизуемыхъ мѣстечекъ и селеній. Уже задолго до того, какъ въ небѣ загорается золото огромной печерской колокольни, Днѣпръ обращается въ рѣку слезъ.

Бабы и старухи въ типичныхъ малорусскихъ поневахъ и головныхъ уборахъ пестрой толпой залили пристань. Пароходъ причаливаетъ, и на каждой станціи на палубу поднимается съ десятокъ крестьянъ съ желтымъ ярлыкомъ на фуражкѣ съ буквою З (запасной).

Загорѣлыя, унылыя лица. Изъ мужчинъ не плачетъ никто,—зато все залито слезами тамъ, на пристани. Только изрѣдка улыбнется какая-нибудь хохлушка-молодица, пришедшая на пристань по своему дѣлу, и странно видѣть смѣющееся лицо среди этихъ плачущихъ, сожженныхъ солнцемъ, въ безнадежно подавляющемъ большинствѣ некрасивыхъ лицъ матерей и женъ, провожающихъ своихъ кормильцевъ.

Поражаетъ больше всего примитивность выраженія ихъ скорби. Старуха проводила своего сына, обняла въ послѣдній разъ и стоитъ у перилъ, поднявъ глаза вверхъ, съ молитвенно сложенными на груди руками, какъ стоятъ передъ образомъ. Глаза ея смотрятъ жадно на сына, никого не замѣчая кругомъ, а оттуда, съ палубы, киваетъ выстриженная голова парня. Жутко-забавное впечатлѣніе. Точно манекенъ. Лицо безъ улыбки, уста безъ словъ...

Шумъ трогающихся пароходныхъ колесъ сливается съ выкриками и причитаньями оставшихся на пристани бабъ. Часть женщинъ провожаетъ запасныхъ до Кіева. При мнѣ одинъ изъ нихъ везъ съ собою пятерыхъ дѣтей. Чувствовалось съ нимъ какое-то тяжелое недоразумѣніе.

— Отъ пяти дітокъ мнѣ не треба уходыти. Привезу ребятъ у Кіевъ до воинскаго начальныка,—нехай робитъ зъ ними, що хоче.

Мнѣ вспомнился разсказъ Потапенко, гдѣ такъ привезъ къ архіерею своихъ шестерыхъ дѣтей дьяконъ, приговоренный къ какой-то карѣ. Фантазія беллетриста иногда обгоняетъ жизнь. Но жизнь спѣшитъ нагнать ее и подтвердить иногда самый капризный вымыселъ...

Тяжело было видѣть запасного, съ шапкой обходившаго пассажировъ и собиравшаго на остающихся женъ и ребятъ. Сплошь мѣдяки звенѣли въ фуражкѣ. Смущенно улыбался парень, не привыкшій къ такому занятію. Онъ долго кланялся за опущенные нами въ его импровизованную кружку рубли, — не зналъ, какъ благодарить, не разъ возвращался и, наконецъ, пригласилъ насъ послушать, какъ „співаютъ" ихъ бабы.

Тамъ, на палубѣ, шла убогая отвальная. Двѣ бутылки пива, квасъ, подсолнечники, тыквенныя сѣмена. Наперерывъ спѣшили угостить насъ этимъ убогимъ лакомствомъ. Бабы сомкнулись кружкомъ и взвизгнули рѣзкими, пронзительными голосами, заставивъ вздрогнуть. Унылая, щиплющая за сердце пѣсня, съ своеобразнымъ, мѣтко заученнымъ, не лишеннымъ красоты, переливомъ, въ которой ухо разбираетъ только безнадежныя слова, „неволя" да „недоля", да „сыротынка"...

Не веселѣй должно быть уходящимъ отъ этой пѣсни, захватившей все,—большой пароходъ и весь тихій просторъ великолѣпнаго Днѣпра. Мы ушли, но никуда нельзя было спрятаться отъ этой пѣсни про солдаткино горе. Въ маленькія оконца каюты перваго класса проникали жуткіе звуки и тревожили душу...

V.

Большіе города опустошены дачами. Сѣръ, пыленъ и унылъ огромный аулъ Москвы. Чувствуется отливъ и въ Кіевѣ. Повышенъ всюду пульсъ политической жизни и пониженъ интересъ къ искусству во всѣхъ разновидностяхъ. Плохо идетъ книга съ содержаніемъ, не относящимся къ моменту. Одиноко чувствуетъ себя даже въ крупныхъ провинціальныхъ центрахъ литературный человѣкъ.

Все обобщено клубами, кружками, оффиціально разрѣшенными обществами, и, какъ всегда, лишенъ такихъ возможностей литераторъ. Въ такомъ важномъ центрѣ юга, какъ Кіевъ, состязающемся съ Одессой въ правѣ на положеніе „третьей столицы", литературный кружокъ едва подаетъ признаки жизни, и во главѣ его стоитъ лицо, не имѣющее ничего общаго съ литературой. Газеты не объединяются. Нѣтъ большихъ литературныхъ именъ. Столицы безжалостно взяли себѣ все отъ провинціи,—всѣ ея цвѣты, когда-то распускавшіеся на провинціальномъ просторѣ...

Въ красивомъ одиночествѣ, въ каменной громадѣ, утонувшей среди чудной кіевской зелени, живетъ поэтъ Ратгаузъ, пѣсни котораго, въ огромномъ количествѣ положенныя на музыку, между прочимъ, и Чайковскимъ, знакомы и Петербургу. Это, кажется, единственный представитель здѣсь чистой, негазетной литературы. Далекій гость, заѣхавшій въ Кіевъ, можетъ позавидовать этому несчастному счастливцу, котораго нездоровье приковываетъ къ красивому и теплому югу, лишая права жительства на болѣе выигрышныхъ для писателя, болѣе шумныхъ, хотя и далеко не столь поэтическихъ береговъ Невы...

Наблюденія надъ жизнью „людей искусства" въ провинціи, не исключая такихъ крупныхъ центровъ, какъ Кіевъ, слагаются, вообще говоря, грустно. Провинціальное меценатство давно отошло въ область преданія, а опеканіе литератора и художника со стороны „спасателей отечества" подчасъ переходитъ всякія границы, создавая положенія, которыя были бы смѣшны, когда бы не были такъ грустны.

Живая иллюстрація къ этому грустному положенію, — извѣстный художникъ С. И. Свѣтославскій, уже много лѣтъ живущій на окраинѣ Кіева, въ поэтическомъ уголкѣ, заросшемъ зеленью, въ виду необъятно раскинувшагося Днѣпра. Кто интересуется русскою живописью, конечно, хорошо знаетъ имя этого поэта русскаго пейзажа, нѣкоторыя картины котораго, по справедливости, нашли себѣ мѣсто въ Третьяковской галлереѣ. Посмотрите, однако, что долженъ претерпѣть на своемъ дѣлѣ человѣкъ даже такого, казалось бы, привилегированнаго положенія, столкнувшись съ провинціальнымъ усиленнымъ охраненіемъ обывателя и города отъ губительства, труса и нашествія иноплеменника. Печатаю дословно врученное мнѣ собственное письмо художника, этотъ наболѣвшій вопль человѣка искусства, у котораго буквально вырываютъ кисть изъ рукъ въ видахъ какого-то совершенно нелѣпаго и необъяснимаго административнаго устрашенія.

VI.

„Желая этимъ лѣтомъ, — пишетъ С. И. Свѣтославскій, — написать двѣ картины на городскіе сюжеты, для будущей выставки въ Москвѣ и Петербургѣ, я долженъ собрать матеріалъ, написавши этюды ранними утрами на улицахъ города. Но это мнѣ крайне трудно исполнить, такъ какъ со стороны полиціи опасаюсь встрѣтить большія препятствія,—чему могу привести слѣдующее доказательство. Два года тому назадъ я отправился въ слободку, за Днѣпромъ, работать. Выбравъ мѣсто на берегу, я сталъ писать этюдъ съ лодокъ; но едва я началъ работать, стараясь сосредоточиться, чтобы передать настроеніе вечерняго мотива, какъ замѣтилъ подходящаго по моему направленію городового, который, не доходя до меня, завернулъ за сложенныя дрова и затѣмъ, выйдя оттуда, оправился и подошелъ ко мнѣ съ требованіемъ предъявить разрѣшеніе на право работать, въ противномъ же случаѣ предложилъ итти въ участокъ. Зная, что таковаго разрѣшенія для писанія съ натуры не требуется, какъ не требуется разрѣшенія колоть дрова, пить изъ рѣчки воду, дышать воздухомъ, я таковымъ не запасся, а потому долженъ былъ итти въ участокъ. По дорогѣ я встрѣтилъ самого пристава, которому объяснилъ, что я не планы снимаю съ крѣпости, и что писать лодки, крапиву или бурьянъ не возбраняется. Онъ нашелъ единственный способъ устранить встрѣченныя мною препятствія: предложилъ итти съ нимъ въ участокъ, гдѣ онъ соберетъ городовыхъ, которымъ меня покажетъ, и если я приду еще писать, то онъ городовымъ прикажетъ не требовать отъ меня разрѣшенія. Въ участкѣ мнѣ пришлось немного подождать, пока были собраны городовые, предъ которыми я господиномъ приставомъ былъ продемонстрированъ, и они меня, какъ дикаго звѣря, со всѣхъ сторонъ осматривали. Понятно, послѣ такого пассажа, у меня всякая охота пропала итти второй разъ работать, и я въ слободку больше ни ногой.

„Путемъ печатнаго слова я обращаюсь съ просьбою указать мнѣ возможность тихо, покойно, собрать матеріалъ къ моимъ картинамъ? Какимъ путемъ я могу быть огражденъ отъ приглашенія итти въ участокъ? Въ Кіевѣ участковъ много, городовыхъ еще больше и если я буду представлять собою предметъ для демонстрированія, то я только буду ходить по участкамъ, а не заниматься своимъ дѣломъ“.

VII.

Письмо Свѣтославскаго исполнено мягкаго юмора. Представляя себя, съ своею солидною фигурою, съ огромной великолѣпной бородой Черномора, въ положеніи субъекта, демонстрируемаго досужимъ околоточнымъ устрашенно - недоумѣвающимъ бляхамъ за № 666-мъ и 777-мъ и ассоціируя съ этимъ свое прошлое, академію, тріумфы таланта, тысячныя картины, Третьяковскую галлерею, — благодушный художникъ, въ самомъ дѣлѣ, не могъ иначе относиться къ разсказываемому инциденту, какъ съ улыбкой умной иронiи, такъ идущей къ его мужественному, загорѣвшему лицу.

Но, вѣдь, въ сущности, это цѣлая драма художнической души, отъ которой вѣетъ ужасомъ, если на минуту на мѣсто ея нынѣшняго героя подставить другое лицо, — обыкновеннаго, маленькаго смертнаго съ искоркой божественнаго огонька дарованія, да еще перенести дѣйствіе изъ виднаго, посвоему шумнаго и интеллигентнаго Кіева въ какой-нибудь городишко, отъ котораго въ три года ни до какого государства не доскачешь!... Съ какимъ чувствомъ думалъ бы о Россіи иностранный художникъ, если бы ему пришлось познакомиться съ этой трагикомической эпопеей русскаго конфрера!

Маленькій аналогичный примѣръ судьба послала мнѣ въ тихомъ и пыльномъ Новозыбковѣ (Черниг. г.). Содержатель городской гостиницы, нѣкто Е. Н. Поповъ, тяготѣетъ къ святому искусству. Въ сущности, очень удачно сдѣланы имъ огромныя воспроизведенія углемъ съ нѣкоторыхъ картинъ Рѣпина, Новоскольцева...

Я засталъ художника-любителя за работой. Есть характерная жанровая картина Перова „Крестный ходъ“. Вы помните ее по Третьяковской галлереѣ. Причтъ возвращается со славленья. Видимо, удачно было хожденіе и тяжела осада, выдержанная батюшкой и клирошанами со стороны гостепріимныхъ прихожанъ. Что дѣлать, испоковъ вѣковъ повелся у насъ этотъ грустный обычай накачиванія духовенства при такъ называемыхъ „святохожденіяхъ“, и посейчасъ тяжела борьба, которую приходится вести трезвому священнику съ крѣпко усвоившимъ традицію крестьяниномъ. „Не пьетъ попъ,—значитъ, темнымъ человѣкомъ гнушается“. Печально, но фактъ, и какъ слова изъ пѣсни, такъ факта изъ жизни не вычеркнешь.

Академикъ Перовъ запечатлѣлъ одинъ изъ такихъ моментовъ на холстѣ. Священникъ, съ трудомъ держась за косякъ двери, выходитъ изъ избы. „Смятенный видъ!“ Печальный видъ. Риза свѣсилась, глаза померкли. Вино осилило его безнадежно. Едва ведутъ клирошане, и у одного изъ нихъ образъ положенъ на руки внизъ головою. Конечно, не смѣшна картина, а страшна,— ужасомъ правды тяжелой и жуткой русской дѣйствительности, слава Богу, проходящей и смягчающейся. Все-таки облагораживаются нравы. Все таки смягчилась жизнь. Теперь уже болѣе историческое, чѣмъ современно-бытовое значеніе имѣетъ картина.

VIII.

Художникъ-любитель остановился на трагическомъ эффектѣ этой картины, которая, кстати, воспроизводится на открыткахъ-письмахъ, съ разрѣшенія цензуры. Увы! — при новомъ моемъ посѣщеніи, картина оказалась завѣшанной полотномъ и художникъ въ унынiи.

— Въ чемъ дѣло?

— Долженъ работу бросить. Пріѣхалъ исправникъ, — закрою, говоритъ, гостинницу, если вы это въ номерѣ повѣсите. Це позволю,—соблазнъ.

— Но, однако, эта картина въ Москвѣ, въ Третьяковской галлереѣ, безпрепятственно можетъ соблазнять посѣтителей, и, кажется еще не слышно, чтобы кого соблазнила?

— Говорилъ. И про разрѣшеніе цензурой говорилъ и про открытки. „Не позволю“,— и кончено. Я—человѣкъ маленькій, а гостинницу закрывать у меня совсѣмъ нѣтъ охоты..

Въ одной изъ центральныхъ залъ Императорскаго Эрмитажа есть картина, не помню какого изъ знаменитыхъ мастеровъ, на переднемъ планѣ которой превосходно сдѣланный мальчикъ совершаетъ одну, скажемъ, дѣтскую шалость. Не слѣдовало-ли бы убрать эту картину, которую могутъ вѣдь смотрѣть и дамы? Исторія знаетъ нѣкоего Даніеля де-Вольтера, друга Микель Анджело, который по смерти великаго мастера не постѣснился прикрыть наготу фигуръ „Страшнаго суда“ драпировками. Потомство прикленло къ нему кличку „Порточника“. Оглянемся, сколько еще порточниковъ преблагополучно существуетъ въ современной администраціи, въ обществѣ, въ критикѣ!..

Можетъ быть, выборъ картины русскаго сатирика - жанриста нѣсколько рискованъ Хамы смѣются даже надъ наготою отца, и разумѣется вполнѣ возможно не серьезное восприятіе перовскаго жанра въ его исторической правдѣ, а глумливо-смѣхотворное. Но не слѣдуетъ же отсюда, что нужно спрятать всю русскую сатиру подъ спудъ! И нумеръ дорогой гостинницы, конечно, — не проходной дворъ. Наконецъ, гдѣ допустимъ сдержанный администраторскій совѣтъ, тамъ никакъ нельзя оправдывать не основанное на прямомъ законѣ безапелляціонное требованіе, котораго въ жизни провинціи слишкомъ много и отъ котораго—дайте вздохнуть...

А. Измайловъ.

Свободный смѣхъ.

Ровно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, лѣтомъ 1855 года, при условіяхъ, разительно опровергающихъ афоризмъ, будто „въ исторіи ничто не повторяется“, художественною фирмою А. Беггрова были изданы три альбома замѣчательныхъ каррикатуръ Н. А. Степанова, посвященныхъ Крымской войнѣ.

Каррикатуры эти воспроизведены на камнѣ и отпечатаны весьма тщательно на большихъ полулистахъ, in folio. Коллекція состоитъ изъ тридцати рисунковъ, не считая обложки, которая повторена на всѣхъ выпускахъ.

Трудно представить себѣ, что весною 1855 года, когда севастопольская эпопея уже близилась къ развязкѣ, въ Россіи обширные слои общества еще не отдавали себѣ отчета въ значеніи борьбы на Крымскомъ полуостровѣ. Трудно понять самообольщеніе, водившее карандашомъ талантливаго художника.

На бомбардировку Одессы Степановъ откликнулся рисункомъ, изображающимъ бесѣду лорда Дундаса съ адмираломъ Гамеленомъ. Подъ рисункомъ слѣдующая надпись:

Дундасъ. Что за варварская земля! Вчера мы обратили въ пепелъ цѣлый городъ съ флотомъ и крѣпостью, а сегодня въ этомъ городѣ гремитъ музыка и народъ веселится.

Гамеленъ. Да не пугнуть-ли ихъ еще немного?

Дундасъ. Пугнемъ, адмиралъ! Вѣдь, Щеголевъ убитъ.

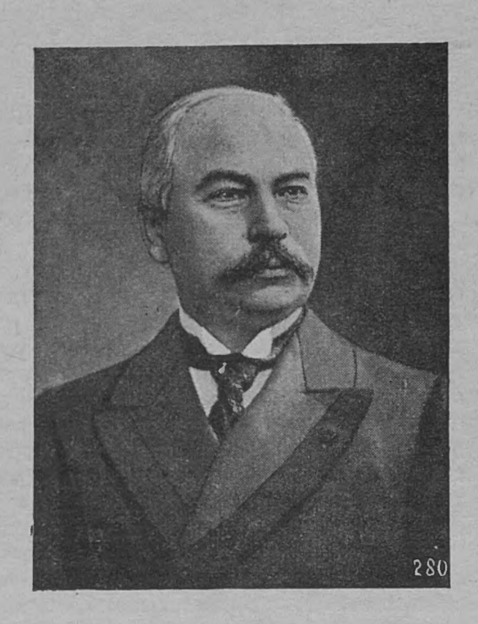
Гамеленъ. То-то что нѣтъ, адмиралъ! Живъ, и проклятая пушка цѣла.

Дундасъ. Живъ? А, знаете, не уйти-ли намъ лучше къ Севастополю?

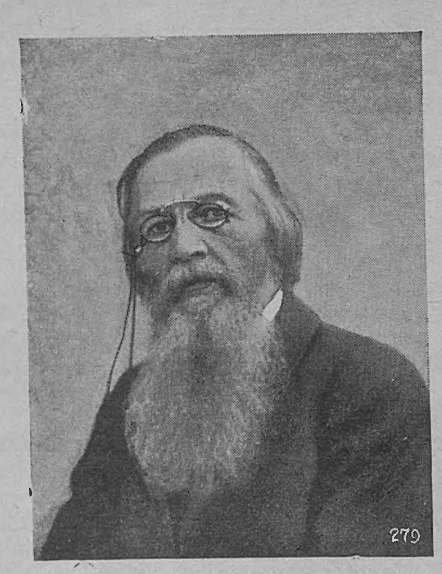
Гамеленъ. Чтожъ, уйдемъ, адмиралъ! Рѣшеніе союзныхъ армій и флота напра-

вить главный ударъ противъ Севастополя объяснялось чрезвычайно просто: страхомъ передъ одесскимъ офицеромъ Щеголевымъ и его пушкою!

Неимѣвшее ощутительныхъ результатовъ и нисколько не повліявшее на исходъ войны крейсерство англійскаго флота въ Балтійскомъ морѣ осмѣивается Степановымъ въ рядѣ рисунковъ. Четверо англичанъ, въ томъ числѣ министръ Пальмерстонъ и адмиралъ Непиръ, рѣшаютъ произвести морскую демонстрацію. Передъ каждымъ изъ нихъ по бутылкѣ.

Проф. Ф. Ф. Мартенсъ, уѣзжающій въ Вашингтонъ для участія въ переговорахъ о мирѣ.

Извѣстный библіографъ
П. А. Ефремовъ.
Къ 50-лѣтію литературной дѣятельности.

Надъ рисункомъ значится: „Послѣобѣденная логика и мужество представителей европейской цивилизаціи передъ отправленіемъ Непира на пиратство въ Балтійское море“. Подъ каррикатурой—своеобразный діалогъ:

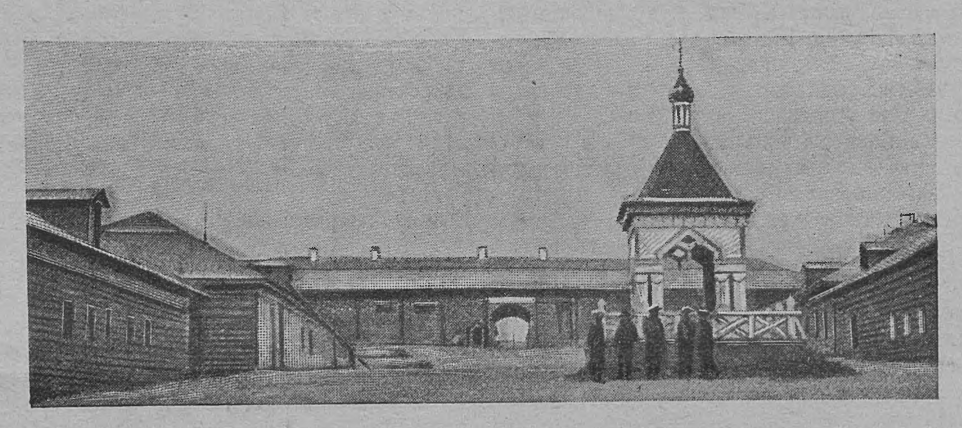
Пальмерстонъ. Россія—государство слабое. Флотъ ея—мечта, войско—мыльные пузыри, а потому непремѣнный долгъ нашъ и всѣхъ европейскихъ правительствъ—соединиться и общими силами сокрушить ее. Браво! браво!

Непиръ. А я поставлю себѣ въ обязанность съ ввѣреннымъ мнѣ флотомъ завтракать въ Кронштадтѣ, обѣдать въ Петербургѣ и ужинать въ Москвѣ. (Да здравствуетъ непобѣдимый англійскій флагъ!)

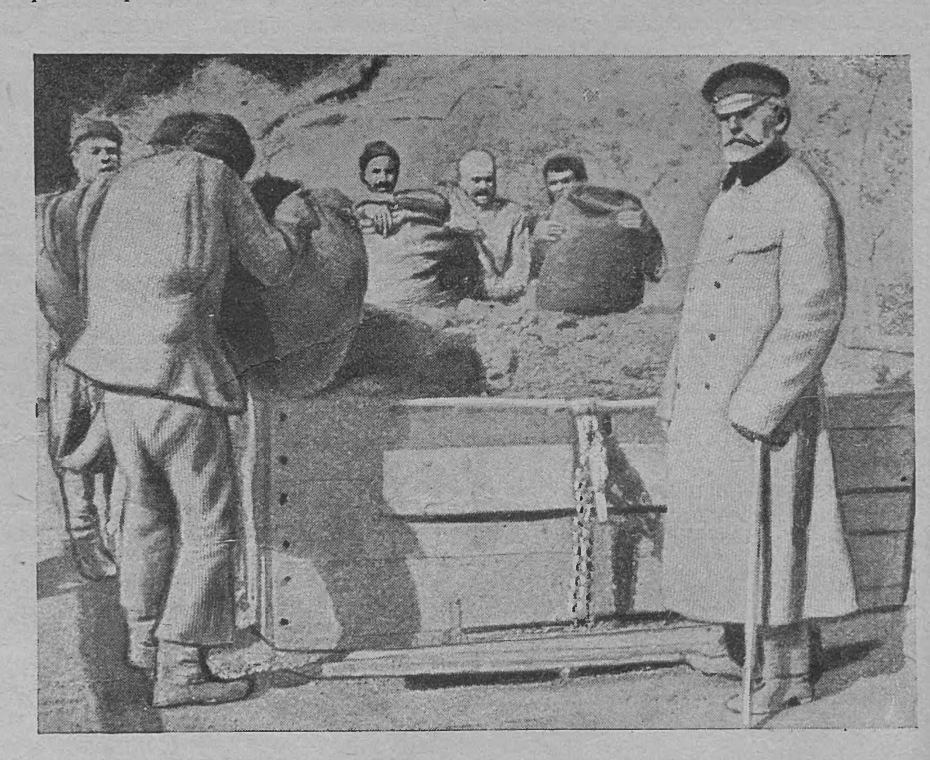
На другой каррикатурѣ, тотъ же лордъ Непиръ изображенъ въ видѣ балаганнаго фокусника. У стола съ пирамидою изъ бутылокъ красуется развернутая имъ афиша: „Программа спектакля: 1) однимъ ударомъ кулака сокрушить Кронштадтъ,

Зданіе японскаго консульства въ посту Корсаковскомъ, на островѣ Сахалинѣ.

Тюремный дворъ въ посту Корсаковскомъ.

Каторжники, работающіе въ рудникахъ на островѣ Сахалинѣ.

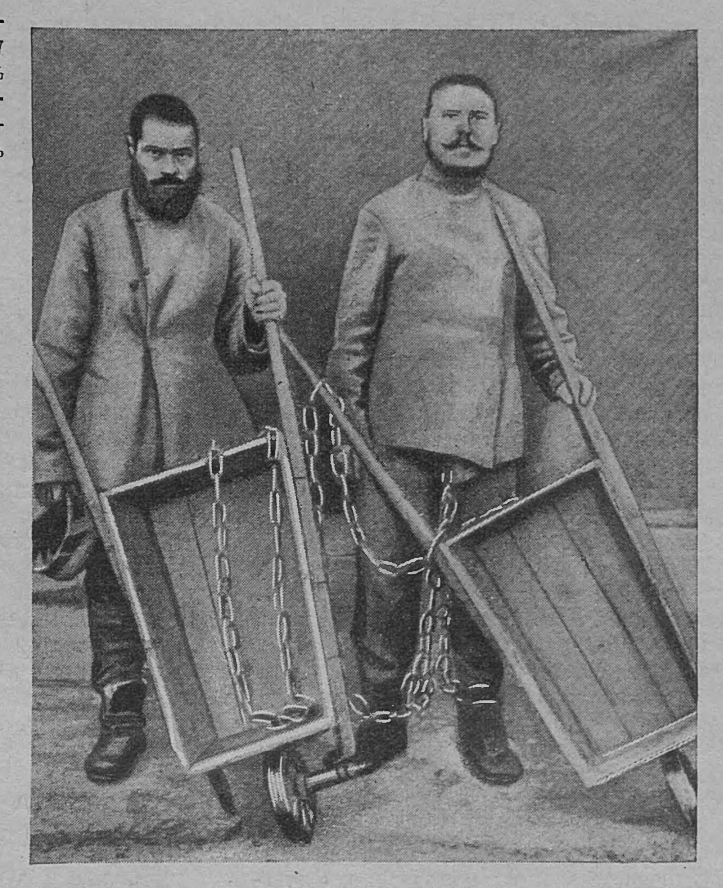
Къ событіямъ на островѣ Сахалинѣ.

Со снимковъ корреспондента, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

2) другимъ—Свеаборгъ, 3) вступить побѣдителемъ въ Зимн...“ Поясненіе къ рисунку гласитъ: „Знаменитый Чарли, ученикъ Пальмерстона, имѣетъ честь предварить почтеннѣйшую публику, что онъ съ высотъ плимутскихъ скалъ бросится стремглавъ въ соленыя ла-

Туземцы острова Сахалина, изъ племени айновъ.

Прежнія наказанія.—Каторжники, прикованные къ тачкамъ.

маншскія воды и, вынырнувъ у русскихъ предѣловъ Балтійскаго моря, удивитъ публику четырехъ частей свѣта небывалыми до селѣ фокусами и штуками. Предъ начатіемъ спектакля, вмѣсто сигнальной ракеты, взорванъ будетъ русскій флотъ.—Спектакль, къ удовольствію публики, оконченъ безъ вреда для русскихъ“.

Серія насмѣшекъ надъ Наполеономъ III открывается рисункомъ, изображающимъ театральную сцену. За рампой выстроены въ рядъ статисты, представляющіе, съ пиками у плеча, казаковъ. Ихъ разстрѣливаютъ французскіе солдаты. Наполеонъ рукоплещетъ изъ аванъ-ложи. Подпись: „Наполеонъ III (за неимѣніемъ II-го), не видавшій другого непріятеля, кромѣ своихъ заимодавцевъ, одерживаетъ въ театрѣ блистательныя побѣды надъ казаками“.

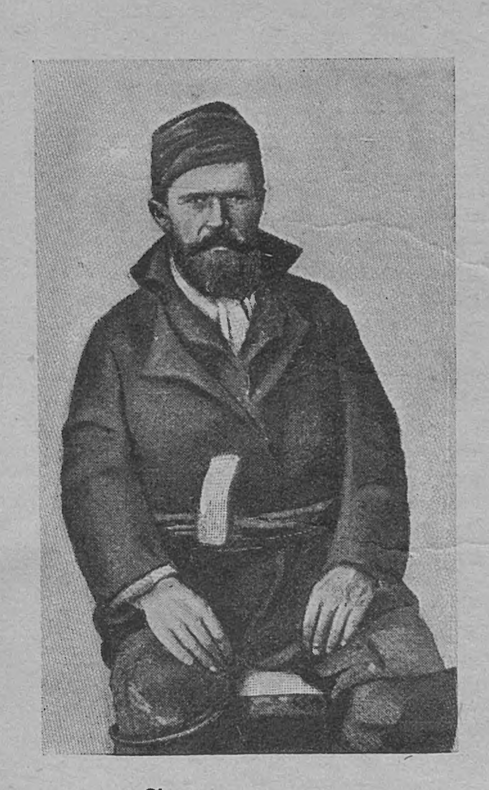
Спустя семь мѣсяцевъ послѣ начала осады Севастополя, Степановъ осмѣиваетъ безуспѣшность дѣйствій союзниковъ. На улицѣ въ Лондонѣ толпа читаетъ извѣстія изъ арміи. Подпись: „Слушайте, слушайте, рапортъ Раглана изъ Крыма: 2-го февраля. Утро морозное, шелъ снѣгъ, въ полдень прояснѣло. 3-го февраля. Утромъ дождь, грязь непроходимая, но къ вечеру показалось солнце...

— Только-то?

— Чего жъ вы хотите? Блистательно: солнце каждый день!“

Закутанный съ головою въ шарфъ маршалъ Канроберъ обращается къ такимъ же жалкимъ солдатамъ своей арміи со слѣдующимъ ироническимъ воззваніемъ:

„Канроберъ. Французы! Сорокъ вѣковъ смотрятъ съ египетскихъ пирамидъ на дядюшку, дядюшка смотритъ на племянника, племянникъ смотритъ на Францію, Франція на васъ, вы смотрите семь мѣсяцевъ на Севастополь, а я смотрю на ваши открытыя и веселыя лица“.

Тюремный палачъ.

Угольный рудникъ „Мгачи“, въ 12-ти верстахъ отъ Александровскаго поста, на островѣ Сахалинѣ.

Къ событіямъ на островѣ Сахалинѣ.

Со снимковъ корреспондента, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Самъ Наполеонъ III представленъ готовымъ отступиться отъ Севастополя. Гуляя подъ руку съ лордомъ Пальмерстономъ, который показываетъ ему подвязку (намекъ на поднесенный французскому императору орденъ Подвязки), онъ говоритъ:

— Журналы такъ много кричали о нашихъ побѣдахъ, что военная репутація обѣихъ націй уже составилась. Поэтому, милордъ, я полагаю, что Севастополя брать не надо: такая побѣда для насъ слишкомъ легка и ничтожна.

— Быть можетъ. Но мы, во всякомъ случаѣ, не совсѣмъ довѣряемъ вашимъ военнымъ способностямъ и согласны дать это (Подвязку); только не ѣздите въ Крымъ.

Издѣваясь надъ отношеніемъ англичанъ къ ихъ союзникамъ туркамъ, а также надъ неподготовленностью (!) ихъ артиллеріи, Степановъ посвящаетъ сложную композицію „англійской артиллеріи въ Крыму“.

Англійскіе канониры ѣдутъ на плечахъ у турокъ. Шестеро турокъ впряжены въ лафетъ. Англичанинъ, возсѣдающій около пушки, помахиваетъ длиннымъ бичемъ.

На другой каррикатурѣ пренебреженіе къ туркамъ выражено устами Омеръ-паши. Канроберъ обращается къ нему съ вопросомъ:

— „Около года мы добиваемся случая хоть одинъ разъ побѣдить русскихъ, а вы то и дѣло поражали ихъ на Дунаѣ. Какимъ это образомъ?

Омеръ-паша. Очень просто. Когда русскіе наступали, мы отступали; они отходили,—мы подавались впередъ; а газеты дѣлали свое дѣло“.

Этотъ рисунокъ помѣченъ цензурою 30-го апрѣля 1855 г. Такая же помѣтка значится на изображеніи Франціи въ видѣ молодой женщины съ флагомъ въ рукѣ. Гамеленъ и Канроберъ направляются къ ней съ морского берега, снимая шляпы. Въ уста Франціи вложена слѣдующая надпись:

— „Гамеленъ! Ты призывалъ меня въ день бомбардировки Севастополя. Ты, Канроберъ, бился объ закладъ, что черезъ 5 дней послѣ этого войдешь побѣдителемъ въ крѣпость. Дѣйствительно, 17-го октября я видѣла, какъ тащили поврежденные корабли отъ портовъ, черезъ 5 дней ничего не видала, а теперь и смотрѣть не хочу“.

Художникъ пытается на одномъ изъ рисунковъ осмыслить внутреннее значеніе событій. Группа главныхъ дѣятелей коалиціи,—императоръ Наполеонъ III, лордъ Пальмерстонъ и Непиръ, французскіе маршалы и пр., неся флаги съ полумѣсяцемъ, преклоняются передъ туркомъ, который благословляетъ ихъ воздѣтыми къ небу руками. Надъ этою сценой напечатано: „Новый крестовый походъ цивилизаціи противъ варварства, подъ предводительствомъ пустынника, милорда Пальмерстона“. Въ подписи—слѣдующее напутствіе: „Сабуръ-паша.—Старайтесь истребить ненавистное племя грековъ, разоряйте церкви и жилища ихъ, покровительствуйте торгу дѣтей и женщинъ, но берегите жизнь свою и на пушечный выстрѣлъ не приближайтесь къ русскимъ; эти варвары, чтобъ защитить себя, не пощадятъ и вашей драгоцѣнной крови“.

Французовъ, впрочемъ, Степановъ освобождаетъ отъ упрека въ трусости. На рисункѣ, изображающемъ „вербованіе“ въ Англіи, лордъ Пальмерстонъ взываетъ къ охотникамъ: „Васъ ожидаетъ слава“. Джонъ-Буль отвѣчаетъ на это: „Намъ нуженъ комфортъ, а не слава. Для славы наймите французовъ. Они дерутся за женщинъ, за одно слово, за ничто,—какъ же имъ не драться за хорошую плату?“

Высокомѣрно-торжествующее настроеніе каррикатуриста, совершенно не воспринимающаго грознаго смысла надвинувшихся на страну историческихъ событій, представляетъ странную психологическую загадку. Понять ее было бы почти невозможно, еслибы передъ нами не было недавняго опыта русско-японской войны. Огромное количество выпущенныхъ нашими издателями каррикатуръ, батальныхъ рисунковъ и лубочныхъ картинъ проникнуты совершенно тѣмъ же духомъ, какъ и произведенія Степанова. Истекшія, со времени крымской войны, пятьдесятъ лѣтъ, нисколько не отразились на нашемъ графическомъ искусствѣ, не углубили его содержанія, не измѣнили его пріемовъ. Ни въ одной, быть можетъ, отрасли русскаго творчества не сказалось съ такою поразительностью принудительное задержаніе естественнаго роста, какъ въ сферѣ русской каррикатуры. Юморъ, бьющій кипучимъ ключемъ въ произведеніяхъ русской литературы, не нашелъ никакого выраженія въ работахъ нашихъ художниковъ. Отчего это произошло? Неужели отъ „бездарности“ нашей въ этой области? Какъ совмѣстить такое явленіе съ удивительнымъ расцвѣтомъ всѣхъ другихъ проявленій изобразительнаго искусства? Почему русскіе художники могли создать превосходный пейзажъ, цѣлую школу жизненнаго жанра, національную историческую и религіозную живопись,—и не дали ровно ничего въ области общественной и политической каррикатуры? Отчего у насъ нѣтъ даже неудачныхъ попытокъ въ этомъ направленіи?

Отвѣтъ на эти вопросы возможенъ лишь одинъ: русской каррикатуры, какъ серьезной художественной и общественной силы, не существуетъ только потому, что ни одна попытка насадить ее не могла пройти сквозь кавдинскія ущелья предварительной цензуры. Въ данномъ случаѣ, замѣчательно, что административное „усмотрѣніе“ не ограничилось постепеннымъ препятствованіемъ развитію національной творческой силы: оно совершенно изъяло ее изъ обращенія, вычеркнуло разъ навсегда, какъ проявленіе критическаго начала, подрывающаго устои всякаго произвола. Относительно русской каррикатуры мы не имѣемъ даже утѣшенія въ возможности сказать, что она „влачила жалкое существованіе“ при такихъ-то или такихъ вѣяніяхъ. Ея не было вовсе. Измѣненія въ курсѣ государственнаго корабля не могли оживить того, чего вовсе не существовало. Русская каррикатура не могла жаловаться, не могла просить льготъ и снисхожденій, не могла,—потому что еще не возникла. Страдающею оказывалась не она, а русская общественность, лишенная лучшаго корректива въ оздоровляющемъ и умиротворяющемъ юморѣ.

Какую роль могла бы сыграть русская художественная каррикатура, если бы она существовала, показываетъ примѣръ „гнилого Запада“, въ особенности же, исторія французской каррикатуры. Не говоря уже о цѣлой плеядѣ знаменитыхъ рисовальщиковъ, каковы Гаварни, Гранвиль, Монье, Леонсъ Пти, Гревэнъ, Форэнъ, Леандръ, Каранъ д' Ашъ, Виллетъ, Жилль, Густавъ Дорэ и десятка два другихъ, въ рядахъ ея дѣйствовалъ Оноре Домье, одинъ изъ геніальнѣйшихъ, вообще, художниковъ прошлаго вѣка. Критики искусства сравнивали его съ Микель-Анжело. Каррикатура его возвышалась до трагизма. Еслибы французская каррикатура не имѣла ничего, кромѣ рисунковъ Домье на паденіе Наполеона III-го, и тогда этихъ нѣсколькихъ литографій было бы достаточно, чтобы, по выраженію поэта, выдать ей „патентъ на благородство“. Гибкая, отзывчивая, легко воспринимаемая, французская каррикатура одинаково полезна и руководителямъ, и руководимымъ. Первымъ она даетъ возможность слѣдить за малѣйшимъ колебаніемъ общественнаго мнѣнія, вторымъ внушаетъ успокоительную увѣренность, что всякій—вольный или невольный—промахъ понесетъ скорую и справедливую кару. Смѣхъ зачастую оказывается могущественнѣе всякаго иного воздѣйствія и нерѣдко устраняетъ самую надобность въ такомъ воздѣйствіи.

Если наша общественная атмосфера такъ пресыщена непримиримою нетерпимостью, то не отъ того ли это происходитъ, что сдавленнымъ въ своемъ первоисточникѣ протестующимъ силамъ нѣтъ никакого исхода? Въ Россіи почти не смѣются,—не только въ годы народныхъ бѣдствій, подобныхъ переживаемымъ; у насъ не смѣются и при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. У насъ не смѣются,—потому что отвыкли отъ смѣха, потому что боятся всякаго яркаго проявленія своей личности, потому что не осмѣливаются смотрѣть на многія явленія окружающей дѣйствительности сверху внизъ, потому что никогда не въ силахъ отрѣшиться отъ подавляющаго гнета этой дѣйствительности.

Не лучше ли заблаговременно устранить препятствія къ естественному развитію оздоровляющихъ силъ народнаго духа? Не пора ли предоставить графическому слову хотя бы ту свободу проявленія, которою пользуется или будетъ вскорѣ пользоваться литературное слово? Не пора ли вызвать изъ тьмы небытія русскій смѣхъ, русскую шутку и каррикатуру, предоставивъ свободное поприще для ихъ нелицепріятной и мужественно-гражданской дѣятельности?

К. Льдовъ.

Рейнскій водопадъ.

(Изъ дорожнаго альбома).

...„Представьте себѣ большую рѣку, которая, преодолѣвая въ теченіи своемъ всѣ препоны, полагаемыя ей огромными камнями, мчится съ ужасной яростью и наконецъ...“

Я много разъ старался представить себѣ это. Трудно. Большая рѣка и ужасная ярость не давались воображенію. И потомъ—въ этихъ случаяхъ какъ-то не вѣришь описаніямъ, свое наблюденіе кажется единственно правильнымъ.

Съ тѣхъ поръ какъ по Швейцаріи путешествовалъ Карамзинъ, разставшись съ друзьями—„для того, чтобы испытать всю любовь ихъ“,—много воды утекло въ Рейнскомъ водопадѣ.

Нѣмецкая рѣка Рейнъ, присоединивъ къ себѣ Эльзасъ и Лотарингію, „мчится“ уже не съ такой „яростью“. Препоны, полагаемыя ей огромными камнями, оказались не слишкомъ большими: ихъ преодолѣлъ „школьный учитель“—вы это помните. Да и французы это очень хорошо и грустно помнятъ.

А кромѣ того... кромѣ того измѣнился и во многомъ измѣнился стиль. Это тоже не мало значитъ. Вѣдь въ зависимости отъ стиля и красоты природы получаютъ въ хрестоматіяхъ то или иное мѣсто.

Рейнскій водопадъ нашихъ хрестоматій совершенно непохожъ на настоящій. И вообще водопады изъ хрестоматій весьма подозрительны. Напримѣръ, Кивачъ: „Алмазна сыплется гора съ высотъ четыремя скалами“. Средняя школа наша потому, можетъ быть, такъ загнана, высушена и худосочна, что ужъ слишкомъ довѣряетъ хрестоматіи. Но вѣдь, кромѣ хрестоматіи, есть — по крайней мѣрѣ за границей—и жизнь...

Я подъѣзжалъ къ Рейнскому водопаду въ

ясный іюльскій (по здѣшнему) день. Почудилось, что я въ Россіи. Ровныя зеленыя поля, надъ которыми звенятъ жаворонки, наши милые жаворонки. Видѣнъ красный куколь, свободно растущій въ русской ржи—хотя онъ и красный. Видны синіе мундиры васильковъ, свободно растущіе въ швейцарской ржи, хотя они и синіе. Исчезли горы. Ровный горизонтъ, душное небо. Ничто не говоритъ, что здѣсь развернулось одно изъ грандіознѣйшихъ явленій природы.

Прибылъ на станцію Нейгаузенъ. Маленькій городокъ живетъ водопадомъ, паразитируетъ на немъ. Всюду надписи, открытки, виды. Я иду, спускаясь, по улицѣ; сложены дрова, въ огородахъ растетъ лукъ — этого нѣтъ, вѣдь, въ хрестоматіи... Но есть въ жизни.

Рейнскій водопадъ надо осматривать съ разныхъ сторонъ. И отовсюду онъ иной. Замокъ Верти (теперь гостиница), замокъ Лауфенъ (теперь маленькая кунсткамера), скала въ серединѣ паденія, Фишетцъ, Кенцели, Бельведеръ и Павильонъ все это разныя точки зрѣнія и разные ландшафты. Самое сильное впечатлѣніе со скалы и съ пункта Кенцели. На пространствѣ 115 метровъ скалы горятъ и не сгораютъ. Это не вода и даже не пѣна—особое состояніе, еще не отмѣченное наукой. Впечатлѣніе не ярости, а грандіозности и непонятности. Смотрите и не вѣрите. Думаете, что вотъ-вотъ вся вода выльется и конецъ. Карамзинъ писалъ, что „молчалъ, смотрѣлъ, слушалъ ревущій концертъ, оглушающій душу“. Но ревущій концертъ право ужъ не такой оглушительный: я тутъ же разговаривалъ со своимъ спутникомъ, лишь немного повышая голосъ. Да и не въ ревѣ дѣло.

Скалы горѣли въ высоту на 30 метровъ и „дымъ“ отъ „горѣнія“, въ видѣ тонкой легкой пыли, все время носится надъ „пожарищемъ“. Она проникаетъ въ организмъ и все время, не переставая, чувствуешь запахъ воды, напоминающій запахъ свѣжей рыбы.

Справа водопадъ — Рейнскій водопадъ! — запрягли. Я не шучу. Здѣсь все, что можно—кромѣ людей—запрягаютъ. Я видѣлъ запряженныхъ ословъ, быковъ, коровъ и даже собакъ, но не ожидалъ, что можно запречь и водопадъ. Между тѣмъ это такъ. Часть энергіи утилизируется. Вода падаетъ на турбины и приводитъ въ движеніе машины. Даровая энергія, предложенная самой природой,—какъ же не взять? И вокругъ водопада разраслись огромные фабрики, заводы. Тамъ выдѣлываютъ... оружіе, можетъ быть, пушки.

Такъ вотъ куда пошла „ужасная ярость“ Рейнскаго водопада! Да, мы—увы—слишкомъ хорошо знаемъ эту ярость!

Пройдутъ годы и годы. Изъ хрестоматій исчезнетъ Карамзинъ, въ нихъ укрѣпится Чеховъ и новыя поколѣнія, дыханіе которыхъ мы сейчасъ только робко предчувствуемъ, — разольются по землѣ.

Рейнскій водопадъ будетъ не только запряженъ, но и закованъ въ желѣзную сѣть могучихъ машинъ. „Старый замокъ Лауфенъ, виноградные сады и дерева“ исчезнутъ, и дымъ фабричныхъ трубъ смѣшается съ водяной пылью—этимъ ароматомъ несущейся воды.

Такъ умретъ водопадъ и такъ умрутъ многіе водопады не только Швейцаріи. Можетъ быть, найдутъ дѣло и поэтическому Штаубаху и странно-загадочному Тримельбаху и жизнерадостному Лаутербруннену?..

Кто знаетъ... Вѣкъ изобрѣтеній надвигается быстрѣе вѣка красотъ и пожираетъ послѣдній...

...Вечеромъ надъ Рейнскимъ водопадомъ разыгралось торжество мѣщанскаго вкуса. На террасѣ замка-гостиницы Верти собрались добродѣтельныя толстыя швейцарки. Онѣ вязали чулки. Два нѣмца усѣлись пить пиво. Были русскіе и ѣли „шницль“.

Ровно въ половинѣ десятаго взвилась ракета. Это было сигналомъ: водопадъ освѣтили бенгальскимъ огнемъ, сначала краснымъ, потомъ зеленымъ; потомъ одну половину краснымъ, а другую зеленымъ, потомъ появились римскія свѣчи; потомъ рефлекторомъ освѣтили деревню, потомъ еще что-то было.

Чулки въ толстыхъ добродѣтельныхъ рукахъ были оставлены, „шницль“ стылъ, послышались охи и ахи.

Мѣщанскій вкусъ былъ до-сыта накормленъ. Фейерверкъ потухъ. Все погрузилось въ мракъ.!.

Рано утромъ надъ водопадомъ солнце зажгло радуги; онѣ дрожали, какъ сказочныя мосты. Пахло мглой, водой, молодостью, великой простотой природы...

Хороша молодость...

О. Дымовъ.

Нейгаузенъ.

Какъ путешествовалъ Людовикъ XIV.

По словамъ Сенъ-Симона, Людовикъ XIV путешествовалъ очень быстро,—соотвѣтственно, конечно, понятіямъ того времени. По нашимъ воззрѣніямъ, быстрота передвиженій „Короля-солнца“ представилась бы черепашьей медленностью. По дорогѣ изъ Парижа въ Шалонъ, на протяженіи всего 173-хъ километровъ, Людовикъ XIV-ый останавливался на ночевку не менѣе пяти разъ. На переѣздъ изъ Парижа къ купаньямъ въ Бурбонѣ, совершаемый нынѣ въ семь часовъ, ему приходилось употребить десять сутокъ.

Людовикъ XIV любилъ возить въ своемъ экипажѣ дамское общество. Его сопровождалъ обильный запасъ съѣстного,—мяса, печеній и фруктовъ. Не проходило и четверти часа, чтобы король не освѣдомился, не желаютъ-ли дамы подкрѣпиться пищею. Самъ онъ ѣлъ только за обѣдомъ, въ опредѣленное время. Несмотря на это, ему доставляло особенное удовольствіе угощать приближенныхъ.

Съ какими неудобствами было сопряжено въ то время путешествіе даже для столь могущественнаго монарха, какимъ былъ Людовикъ XIV, даетъ отчетливое понятіе очеркъ французскаго писателя, Эрведа Баринъ, посвященный въ вышедшей на дняхъ интересной книгѣ его „Louis XIV et la grande Mademoiselle“ поѣзкѣ, которую предпринялъ Людовикъ XIV со всѣмъ своимъ дворомъ въ 1670 г. во Фландрію.

Когда въ 1658 г. французскій дворъ вознамѣрился посѣтить Ліонъ, число участниковъ въ путешествіи превысило 12,000. Въ 1670-мъ году многолюдность кортежа была еще значительнѣе, такъ какъ всю королевскую фамилію сопровождали двѣ фаворитки, де-Монтеспанъ и Ла-Вальеръ. Свита состояла изъ многихъ тысячъ придворныхъ чиновъ, фрейлинъ, пажей, служителей и служительницъ всякаго ранга, не считая военнаго конвоя. Даже кормилица короля сопутствовала ему въ путешествіи. Вся французская знать была на-лицо, никто не рѣшился уклониться отъ чести сопровождать властолюбиваго монарха.

Утромъ 28-го апрѣля чудовищный кортежъ двинулся изъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья; процессія производила впечатлѣніе цѣлаго племени кочевниковъ, переселяющагося со всѣмъ своимъ имуществомъ. Всѣ представители аристократіи везли съ собою домашнюю обстановку, отдѣланную какъ можно роскошнѣе. Самъ Людовикъ XIV захватилъ для себя пышную отдѣлку двухъ дворцовыхъ залъ. Почти всѣ сколько-нибудь состоятельные участники поѣздки припасли себѣ походную кровать, чтобы не пришлось спать на землѣ.

Безконечный караванъ экипажей, возовъ и телѣгъ тянулся на много верстъ по направленію къ Фландріи, по дорогамъ, находившимся въ самомъ запущенномъ состояніи. Экипажи то и дѣло опрокидывались и ломались. Черезъ рѣки надо было, за отсутствіемъ мостовъ, переправляться въ бродъ.

Король и знатнѣйшіе вельможи держали открытый столъ; соотвѣтственно многотысячной численности ежедневно обѣдающихъ, штатъ поваровъ и кухонной прислуги былъ чудовищно великъ, напоминая масштабъ легендарнаго Пантагрюэля.

Людовикъ XIV-ый въ пути бывалъ изысканно любезенъ и мирился со всякими невзгодами. Того же требовалъ онъ и отъ своихъ приближенныхъ, ненавидя нытье и жалобы. Зато королева Марія-Терезія не выносила путешествій. Она жаловалась при каждой остановкѣ, плакала на худыхъ дорогахъ и кричала отъ страха, переправляясь черезъ рѣки. Кромѣ того, она страшно скучала; особенно надоѣдали безконечныя разглагольствованія короля относительно тактики.

Приближенныя къ королю лица пользовались, впрочемъ, относительнымъ комфортомъ. Положеніе огромнаго большинства остальныхъ спутниковъ было тѣмъ плачевнѣе, что они должны были дѣлать видъ, точно всѣмъ довольны. Въ противномъ случаѣ, имъ грозила немедленная опала.

Похожденія „императрицы Сахары“ въ Вѣнѣ.

Подруга извѣстнаго милліонера-сахарозаводчика и маніака Лебоди, объявившаго себя „императоромъ Сахары“, — г-жа Діонъ,—ведетъ себя въ Вѣнѣ такъ, какъ будто она находится „дома“ — въ своихъ африканскихъ владѣніяхъ. Но то, что осталось бы безнаказаннымъ въ ея „имперіи“, влечетъ за собою непріятныя послѣдствія въ Вѣнѣ. На-дняхъ г-жа Діонъ предстанетъ передъ участковымъ мировымъ судьею для отвѣта по обвиненію ея содержателемъ гостиницы Гэй Тамбурино, въ нанесеніи ему г-жей Діонъ оскорбленія словами и дѣйствіемъ. Тамбурино какъ-то неосторожно выразилъ сомнѣніе, дѣйствительно-ли г-жа Діонъ подруга „императора“ Сахары, и, въ то же время, онъ, желая прорекламировать гостиницу, потребовалъ, чтобы она прописалась въ гостиницѣ „императрицей“ Сахары. Оскорбленная подобнымъ сомнѣніемъ хозяина въ своихъ лучшихъ чувствахъ, г-жа Діонъ познакомила скептика-хозяина съ ея „императорской“ рукой. Потребовалась медицинская помощь. Финалъ будетъ имѣть мѣсто въ судѣ.

РѢДКІЙ СЛУЧАЙ.

„Мой братъ умеръ 150 лѣтъ тому назадъ“, —такой отвѣтъ далъ недавно въ Лондонѣ на судѣ одинъ свидѣтель, котораго спросили, есть-ли у него братья или сестры. Предсѣдатель суда былъ пораженъ смѣлостью свидѣтеля, рѣшившагося насмѣхаться надъ присутствіемъ. Оказалось, однако, что невѣроятный отвѣтъ—несомнѣнная правда. Отецъ свидѣтеля женился девятнадцати лѣтъ отъ роду; первый сынъ его умеръ вскорѣ послѣ рожденія. Семидесяти пяти лѣтъ онъ женился вторично, и снова у него родился сынъ—тотъ самый свидѣтель, который своимъ отвѣтомъ такъ озадачилъ лондонскій судъ. Ему въ настоящее время 94 года; со смерти брата, до вторичнаго брака отца, прошло 56 лѣтъ. Такимъ образомъ, дѣйствительно, братъ свидѣтеля умеръ 150 лѣтъ тому назадъ.

Пор. 26-го вост.-сиб. стрѣлк. полка
Н. Андреевъ,
въ плѣну.

Подпор. 36-го в.-сиб. стрѣлк. полка
А. Журавлевъ,
тяжело раненъ.

Кап 2-го вост.-сиб. стрѣлк. полка
И. Лебедевъ,
раненъ подъ Вафангоу, Ляояномъ и Мукден.

Пор. 56-го пѣхотн. житомірскаго полка
Милойковичъ
(сербъ), убитъ при Сандепу.

Сотникъ 12-го барнаульскаго полка
Е. Реймерсъ,
остался на полѣ сраженія.

Пор. 16-го вост.-сиб. стрѣлк. полка
Г. Садыковъ,
дважды раненъ, въ плѣну.

Подпор. 36-го пѣхотн. орловскаго полка
Н. П. Бульбашъ,
раненъ подъ Ляояномъ.

Кап. 5-го сибирскаго иркутскаго полка
В. Рейнгардтъ,
раненъ и находится въ плѣну.

Подп. 2-го читинскаго сибирскаго пѣх. полка
Б. І. Душкинъ,
раненъ.

Есаулъ 2-го верхнеуд. полка
Маркозовъ,
раненъ подъ Ляояномъ.

Кап. 121-го пензенск. полка
В. Г. Рыбалко,
раненъ подъ Ляояномъ.

Есаулъ 2-го дагестанскаго коннаго полка
В. З. Алтуховъ,
раненъ подъ Ляояномъ.

Къ морскимъ празднествамъ въ Брестѣ.

Иллюминація на французскихъ военныхъ судахъ, по случаю прибытія въ Брестъ англійской эскадры.

Съ рисунка корреспондента, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

Типографія „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (С. М. Проппера), Спб., Мѣщанская, № 25. Редакторъ-издатель „Иллюстрированныхъ Бирж. Вѣдом." С. М. Пропперъ.